

ЭММА РУДКЕВИЧ

ИЗМЕНА МУЖА.
ТЫ ПОДДЕЛАЛ ДИАГНОЗ,
ЧТОБЫ ЗАБРАТЬ ДОЧЬ!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты подделал
диагноз, чтобы забрать дочь!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты подделал диагноз, чтобы забрать дочь! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Муж украл мою научную методику, отдал её любовнице и приказал охране не пускать меня к собственной дочери.— Ты больше никто, Анна. Даже для Маши! Я двенадцать лет спасала пациентов, но не могу защитить своего ребёнка. Виктор подделал заключение психиатра, назвал меня опасной матерью и пригрозил отправить Машу в закрытый интернат. Единственный, кто предлагает помощь, — Артём Волков, инвестор и враг мужа. Он знает, как разрушить клинику Виктора. Но требует взамен мои знания и полную преданность. Я верну дочь, своё имя и разработки. И я больше не отступлю. Только можно ли доверять человеку, который видит в моей боли оружие для собственной мести?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты подделал диагноз, чтобы забрать дочь!

Глава 1

У входа в «Аврору» я машинально вытащила пропуск раньше телефона. Двенадцать лет одна и та же привычка: приложить карточку, кивнуть дежурному, убрать волосы под шапочку уже у лифта. Только сегодня мне не нужен лифт. Маша должна была ждать в детском центре, и я по дороге купила бы ей булочку без изюма, если бы в кармане остались деньги.

В тридцать четыре года я умела вынимать опухоль так, чтобы сохранить человеку лёгкое. Забрать собственную дочь оказалось труднее. С прошлой недели Маша не разговаривала со мной; я повторяла, что она сердится, что всё ещё можно поправить. Мы уйдём отсюда, я не стану задавать ей вопросов. Пусть молчит рядом со мной, сколько нужно.

Пропуск не сработал. Над турникетом загорелось красное. Приложила карточку ещё раз — может, не той стороной. И ещё раз, уже понимая, что дело не в карточке.

— Проход закрыт, — буркнул охранник, даже не подняв глаз от телефона. Его пальцы, толстые и грязные под ногтями, продолжали скроллить ленту новостей.

— Мне нужно к дочери, — сказала я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. — Маша Смирнова. Группа «Звездочки».

Охранник поднял голову. На прошлой неделе он просил меня посмотреть анализы своей матери. Теперь ждал, что я предъявлю документ.

— Приказ дирекции. Периметр закрыт для посторонних. Вы кто?

— Я мать Маши. И я врач этой клиники.

Он наклонился над турникетом. Мне пришлось отодвинуться, чтобы его подбородок не оказался у самого лица.

— Виктор Сергеевич сказал, что вы теперь никто. Даже для дочери. Уходите, пока не вызвал наряд.

Я сжала карточку. На фотографии под потёртым пластиком улыбалась женщина, которая ещё не знала этого слова: «никто». Охранник посмотрел на мой пропуск и потянулся за ним. Я прижала карточку к груди. Хотя бы её он не получит.

— Позовите Виктора Сергеевича! Или заведующую центром! Немедленно!

Из дежурки выглянула медсестра. В мятом халате, с карандашом за ухом — я ещё вчера спросила бы, успела ли она поесть. Она заметила мою карточку, быстро отвела глаза и указала на табличку: «Не беспокоить. Стратегическая сессия».

— Там совещание, Анна Аркадьевна, — произнесла она механически, будто читала инструкцию по применению. — Вас не пустят.

Из конференц-зала рассмеялась Ирина. Коротко, потом ещё раз, громче: так она смеялась, когда Виктор говорил что-нибудь для публики. В её обязанности когда-то входило приносить мне кофе. Я просила без корицы, она приносила с корицей и называла меня «докторша». Виктор объяснял, что у девочки много работы и я придираюсь.

— ...и главное, чтобы он понял, кто здесь настоящий хозяин... — долетели обрывки слов.

Я рванула прочь от турникета. Паника гнала меня вдоль турникетов к служебному коридору. Дверь дежурки ещё была приоткрыта; я проскользнула мимо медсестры. Здесь я когда-то ходила в белом халате, с планшетом в руках, уверенная в завтрашнем дне. Коридор был пуст, только гул вентиляции да эхо моих шагов.

У выхода в операционный блок мне пришлось остановиться. Человек с планшетом не посторонился, хотя видел, что я иду прямо на него. На рукаве тёмно-синего пиджака блеснули запонки, которые я подарила Виктору на годовщину.

Виктор.

Он улыбнулся. Мне захотелось поправить ему воротник: одна сторона загнулась внутрь. До чего же идиотская привычка — заботиться о нём прежде, чем вспомнишь, что он сделал.

— Анна, ты опоздала на презентацию, — сказал он мягко. Голос бархатный, успокаивающий. Как у змеи, гипнотизирующей птичку. — Но ничего страшного. Я включил запись. Для тебя лично.

Я смотрела на его планшет. Там могла быть запись, к которой у меня больше не было доступа. — Покажи, — сказала я. Уже не просила пустить к дочери. Это тоже было его победой.

Он сделал шаг в сторону, пропуская меня внутрь зала.

В зале горел экран. Первые ряды занимали инвесторы и чиновники, за ними сидели главные врачи филиалов. Я узнала нескольких: одному сама отправляла описание метода, другому полчаса объясняла, почему нельзя выкинуть из выборки умерших пациентов. Он заметил меня, но тут же уткнулся в буклет.

На слайде были мои графики. Узнала даже нелепую стрелку возле таблицы доз: рисовала её на распечатке, сидя у Машинной кровати. Дочь заснула, а я всё ещё проверяла цифры при свете телефона. Виктор тогда сказал: «Ты же сама любишь свою работу». Теперь стрелка была аккуратной, синей. Он исправил её форму, больше ничего.

И внизу, крупным жирным шрифтом, белеющим на фоне синевы:

Автор методики: Виктор Ковалев. Консультант: А. Смирнова (экс).

Рядом с моей фамилией стояло «экс». Я наклонила голову, будто так можно было прочитать слово иначе. Экс-консультант? Экс-жена? Всё, что я сделала, поместилось для него в три буквы.

— Красиво сделано, правда? — Виктор подошел к трибуне, кладя руку на микрофон. — Эстетика данных важнее сырых цифр. Анна, ты всегда была хороша в деталях, но нам нужна была стратегия. Сильная рука. Твоя рука дрожит, дорогая. Ты знаешь это.

Я шагнула к трибуне. Нужно было назвать даты, показать исходные таблицы, спросить его о критериях исключения — любой такой вопрос он бы провалил. Но он посмотрел на мою дрожащую руку. И вместо цифр я выкрикнула то, что потом будут показывать на записи.

— Это моя работа! — мой голос сорвался на визг, тонкий и жалкий. — Это моя диссертация! Вы лжец! Вор!

Женщина в первом ряду прижала телефон к груди, продолжая снимать. Я услышала, как кто-то шепнул: «Его бывшая». Теперь мой следующий довод должны были слушать уже после этих двух слов. Я попробовала произнести «выборка» и не смогла набрать воздуха.

Виктор даже не выключил микрофон. Ему было выгодно, чтобы слышали всё. Ирина поднялась из кресла у трибуны, провела ладонью по волосам и подошла. Между нами не осталось места; я видела на её зубе след помады.

Остановившись рядом со мной у трибуны, она наклонилась к микрофону, так, чтобы её шепот усилился колонками и разлетелся по залу:

— Уйди, сумасшедшая. Тебе нельзя сюда. Ты пугаешь людей.

Сзади кто-то встал. Охрана или просто человек, решивший досмотреть представление, — я не обернулась. Отступила от трибуны, задела каблуком ступеньку и бросилась к двери. Если упаду здесь, они получат ещё и это.

Глава 2

В холле я остановилась у стены и стала искать телефон. В одном кармане пропуск, в другом ключи. Где он? Мне нужен был адвокат. Или хотя бы человек, который скажет: «Да, Анна, это твоя работа», пока я ещё способна его услышать.

Экран был черным. Я нажала кнопку сбоку, но ничего не увидела сквозь слёзы. Только не сейчас. Мне нужен был хотя бы один звонок.

И тогда я увидела её.

У окна на озеро сидела Маша. Я узнала серый свитер раньше, чем увидела лицо: на локте торчала нитка, которую собиралась обрезать. Дочь уткнулась лбом в колени. Она всегда так пряталась от слишком громких звуков. Почему её вывели сюда из центра? Почему никто не выключит хотя бы этот мигающий свет над дверью?

— Машенька... — я бросилась к ней.

Я подошла слишком быстро. Она качнулась вперёд, назад; из горла потянулся стон, затем крик. Стой, Аня. Ты знаешь, как надо. Остановись, сядь сбоку, дай ей увидеть себя. Но двое охранников уже шагнули между нами.

Один охранник раздвинул руки, закрывая Машу от меня. Другой упёрся локтем мне в грудь. За их спинами она кричала всё громче, а я не могла объяснить, что именно они сейчас делают хуже.

— Отойдите! Ребенку плохо! — кричала я, пытаюсь пробиться сквозь их спины.

— Вы причина стресса! — рявкнул один из них, хватая меня за плечо. Его пальцы впились в ткань куртки, оставляя следы грязи.

Я ударила по руке, державшей моё плечо, потянувшись между ними. Всего на секунду подать ей свою ладонь, пусть сама решит, брать ли. Охранник развернул меня к выходу. Второй крикнул что-то в рацию; Маша взвизгнула на этот треск. Я начала вырываться уже вслепую.

Виктор вышел в холл. Посмотрел на Машу, потом на охранника. Я на мгновение обрадовалась: отец сейчас скажет им убрать рацию. Он взял меня за запястье.

Пальцы сжались на моём запястье. Боль прострелила до локтя. Виктор повёл меня за колонну; я пыталась остановиться и всё ещё смотрела через плечо на дочь. Отсюда её было почти не видно. Именно здесь не доставала камера.

— Послушай меня внимательно, Анна, — прошипел он, нависая надо мной. Его дыхание было горячим и зловонным. — Если ты сейчас же не замолчишь и не уйдешь, я оформлю принудительную госпитализацию Маши в закрытый интернат для детей с РАС. Прямо сегодня. Через час.

Я перестала тянуть руку. Закрытый интернат. Он произнёс это так буднично, будто заказывал машину к подъезду.

— Ты не можешь...

— Могу, — он усмехнулся, показывая ровные белые зубы. — У меня есть связи в опеке. Есть деньги. Есть репутация спасителя. А у тебя есть клеймо психопатки, которая орет в присутствии инвесторов. Твоя «помощь» мне больше не нужна. Ты — расходный материал, который закончился. Забудь эту работу. Забудь клинику. Забудь дочь, если будешь упорствовать.

Он отпустил мою руку. На коже остались багровые полосы.

— Иди домой, Анна. Плачь в подушку. Но не смей возвращаться.

На улице я пошла к озеру: от скамейки ещё можно было видеть окна центра. Села на мокрые доски, засунула ладони под мышки и стала считать Машины окна. Одно, два, три. На третьем сбилась, потому что разревелась. Рукав куртки тут же промок; пришлось вытирать лицо другим.

В кармане куртки завибрировал телефон.

Я вздрогнула. Значит, не разрядился. Смахнула слёзы рукавом и полезла в карман. Вибрация повторилась. Долгая, настойчивая.

Я достала аппарат. На экране светился значок вызова. Неизвестный номер.

Я ответила. Губы дрожали так, что слова выходили невнятно.

— Аллю?

Незнакомец говорил спокойно. Я злилась на него ещё до того, как поняла слова: нельзя было так спокойно звонить человеку, сидящему у этих окон.

— Я видел вашу реакцию в зале. Вы либо гений, либо психопатка. Мне нужно знать, кто из вас двух.

Пауза. Звук ветра в трубке смешивался с биением моего сердца.

— Приезжайте завтра. В отель «Рояль», номер 405. Или потеряете дочь навсегда.

Линия оборвалась.

Я ещё держала телефон у уха, хотя он уже отключился. Номер 405. «Рояль». Повторила вслух, чтобы не забыть, и записала в заметки. Виктор сейчас разговаривал с инвесторами, а я могла только запомнить номер комнаты. Значит, начну с него.

До сегодняшнего дня я пыталась придумать, как говорить с Виктором без обвинений. Ради Маши, ради того хорошего, что у нас когда-то было. Теперь слышала только: «Через час». У меня больше не получалось оправдать его даже перед собой.

Союзник? После одной угрозы в трубке я не могла этого знать. Но незнакомец видел презентацию. Если у него осталась запись, я должна её получить.

Убирая телефон, я увидела полосы на запястье. Сняла их на камеру. Две фотографии: крупно и вместе с лицом. Потом поднялась со скамейки.

Сегодня нужно было пережить ночь. Завтра я найду человека из номера 405.

Наутро меня вызывают в отдел кадров. Марина придерживает бланк двумя пальцами, чтобы он лежал ко мне текстом. «По собственному желанию». Я успеваю прочитать эти слова, ещё не дойдя до стола. В кармане лежит телефон с фотографиями запястья. Хорошо, что сняла вчера: сегодня полосы уже бледнее.

Марина переставляет ручку с одного края бланка на другой. Я стою; стул отодвинут к стене, и сестра она не предлагает. — Подпиши здесь, Анна Аркадьевна. Виктор Сергеевич просил решить это... деликатно. В интересах клиники. И твоей репутации. Провожу пальцем по строчке с датой. Число уже вписано. Значит, моё желание у них оформлено заранее. — Какого черта? — мой голос звучит хрипло, чуждо. — У меня контракт до конца года. Она снимает очки и кладёт на бланк. Я ждала, что она скажет: «Мне приказали». Вместо этого она перечисляет обвинения. — У тебя есть жалобы на профессиональную непригодность. Эмоциональная нестабильность. И... слухи о злоупотреблении алкоголем после операции пациента Кузнецова. После операции Кузнецова я не успела даже выпить воды. Вспомнила липкую полоску маски под подбородком, стакан у раковины, к которому вернулась через час. Кто сочинил алкоголь — Виктор или сама Марина? Она смотрит на мои руки. — Дайте мне жалобы. С фамилиями и датами. — Сейчас мы решаем другой вопрос. — Это клевета, — шепчу я, но слова тонут в гуле вентиляции. — Подпиши, и мы забудем про проверку диссертации, — тихо добавляет она, наклоняясь вперед. — Иначе Виктор Сергеевич инициирует экспертизу на плагиат. Твоих идей там не осталось, дорогая. Он их уже «развил».

Виктор входит без стука. Марина сразу надевает очки. Я ещё держу край бланка, когда он забирает мою ладонь и вкладывает в неё ручку. Его большой палец касается вчерашнего синяка. Он нажимает чуть сильнее — я понимаю, что не случайно. — Ты делаешь всё неправильно, Анечка, — мурлычет он мне на ухо, и от запаха его дорогого одеколona меня тошнит. — Если ты уйдешь красиво, я сохраню тебе право видиться с Машей раз в месяц. Если начнешь скандалить... я найду способ сделать так, чтобы твой диагноз стал официальным. А знаешь, кто такой аутист в системе опеки? Тяжелый случай для сумасшедшей матери.

Я оставляю ручку на столе. Она выкатывается на край, Марина ловит её, а я отдёргиваю руку от Виктора. — Я не пишу «по собственному». Хотите увольнять — пишите свои основания. Он снова тянется к моему плечу. — Убери свои руки от меня. Он показывает Марине пустую ладонь — вот, видишь, пытался договориться. Я узнаю этот жест. Так он давал понять официанту, что суп пересолила жена, а не кухня. — Как хочешь. Охрана проводит тебя. Телефон оставь на ресепшнере. Правила безопасности клиники.

В холле меня уже ждёт охранник. У кресел родители раздевают детей; я стараюсь пройти так, чтобы не задеть маленький рюкзак на полу. Охранник делает шаг мне наперерез. Когда-то я бы попросила его не пугать пациентов. Теперь его пригласили пугать меня. — Пропуск и телефон, пожалуйста. — Отстань, — рычу я, пытаюсь пройти мимо него. Он хватает меня за предплечье. Жестко, грубо. Я дёргаюсь, вырывая свой телефон из кармана пальто, но он перехватывает мою руку, толкает к стене. Телефон падает на кафель, экран покрывается трещинами. Подбираю его прежде, чем охранник успевает наступить на него. Боль в запястье стреляет искрами вверх по локтю. — Посмотрите на нее! — кричит кто-то в толпе. — Совсем крыша поехала! Кто-то смеётся у лестницы. Поднимаю голову: за стеклом директорского кабинета Виктор держит чашку и смотрит на меня. Я показываю ему разбитый телефон. Он отпивает кофе. Вот и весь ответ. Прячу аппарат в карман, хотя охранник ещё протягивает за ним руку.

Глава 3

Снаружи моросит дождь. Я бегу вдоль здания к отдельному крылу детского центра, застёгивая пальто на ходу. Утром, пока корпоративная почта ещё открывалась, видела новый регламент: согласие обоих родителей. Они поменяли его за час до моего прихода. Маша сегодня ждёт маму, а взрослые успели поменять бумагу.

За стеклянной дверью администратор раскладывает бахилы. Я нажимаю ручку, и она подходит, не открывая. Её лицо хорошо помнит, кто я. Вчера она просила подписать Машину смену питания, потому что дочь не ест кашу с комочками. — Анна Аркадьевна, простите. Без доверенности от отца ребенка выход невозможен. Новый регламент. — Там моя дочь! — крик срывается с губ раньше, чем я успеваю его подавить. — Она в сенсорной перегрузке! Ей нужна тишина! За спиной администратора, в глубине игровой комнаты, слышен звук. Высокий, пронзительный визг. Знакомый до боли. Маша. Она бьется головой о стену, потому что вокруг слишком много шума, слишком много чужих людей, а мамы нет рядом.

Я слышу визг, потом два глухих удара. — Уберите её от стены. Вы слышите меня? Уберите! Администратор оглядывается на игровую и остаётся на месте. Дверь не открывается. Я ещё раз дёргаю ручку. — Пусти! — я бью кулаком по стеклу. Оно не поддается. Администратор пятится назад, хватая телефон. — Вызывайте полицию! Быстро!

Отхожу на шаг и бью плечом в раму. Резкая боль заставляет согнуться, но дверь подалась. Ещё. Мне кажется, стоит попасть внутрь — и всё прекратится: стук, её крик, эта женщина за стеклом. На третий удар по стеклу разбегаются трещины. Я вижу кровь на костяшках и даже не помню, в какой момент содрала кожу.

Сирена. Полицейская машина въезжает во двор клиники, синие вспышки отражаются в разбитом стекле. Двое полицейских выбегают из машины. Один держит руку на кобуре, второй перекрывает мне путь к дверям. — Стоять! Руки за голову! — Она агрессивна! — визжит администратор, прячась за спину полицейского. — Пыталась прорваться к ребенку силой! Виктор подходит к машине и сразу обращается к старшему. Он говорит негромко, и полицейский вынужден наклониться к нему. Для меня тот же человек только что кричал: «Руки за голову». Я вижу, как охранник кивает на разбитое стекло. — Прошу вас, господа. Моя жена давно страдает... психическими расстройствами. Она опасна для нашей дочери. Пожалуйста, зафиксируйте нарушение общественного порядка. Я требую защиты для ребенка.

Я пытаюсь показать полицейскому синяк на запястье. — Это он вчера. Я сняла. У меня в телефоне... — Сначала уберите руки, гражданка. Виктор стоит рядом и больше не касается меня. Теперь у него есть кому передать эту работу. — Гражданка, пройдите в отделение. Успокойтесь. Или будете доставлены принудительно.

Полицейский прижимает мне плечо, заставляя пригнуться в машину. Я успеваю увидеть, как администратор наконец идёт в игровую. В участке мне дают протокол. Я читаю его дважды: «угроза жизни сотрудников». — Я просила помочь ребёнку. — Замечания пишите внизу. Пишу. Плечо болит, ручка плохо удерживается в мокрых пальцах. Раньше я мечтала, чтобы писанина однажды закончилась. Теперь цепляюсь за каждую строчку: это хотя бы останется.

Только когда меня отпускают домой, звонит телефон с разбитым экраном. В участке на мою просьбу позвонить адвокату отвечали: «Сейчас». Так и продержали до самого выхода. Номер адвоката Виктора. — Анна Аркадьевна? Я представляю вашего бывшего мужа. Просил передать, что вы отстранены от работы в клинике на основании сегодняшнего инцидента. Комиссия уже формируется. Также, учитывая ваше состояние, он подал ходатайство о временном ограничении ваших прав на общение с дочерью. До решения суда. Он отключается, не спросив, есть ли у меня возражения. Я стираю с экрана каплю дождя, чтобы прочитать время вызова.

До остановки я не дохожу. Сажусь на бордюр, поставив сумку возле ног. Из неё выпадает лист с моими замечаниями к протоколу; я подбираю его, размазывая чернила. Вчера кончились деньги на Машины занятия. Сегодня я потратила несколько часов на объяснение, почему хотела войти к ней. Завтра из этого протокола сделают ещё одну причину меня не пускать.

Надо встать. Дойти до остановки. Зарядить телефон. Вечером дозвониться в центр и спросить, ела ли Маша. Я перечисляю это, как задания медсестре, только сама ни одно не могу начать.

У бордюра тормозит чёрный внедорожник. Брызги попадают на мой подбородок. Хочется обругать водителя, но из машины выходит Артем Волков, инвестор с вчерашней презентации. Я помню его фамилию из программы. Он смотрел на слайды, пока остальные смотрели на меня.

Он останавливается так, что мне приходится запрокинуть голову. Его ботинки стоят возле моей сумки. — Вы наступите, — говорю я. Артем отводит ногу. Присесть пока не собирается. — Вы действительно верите, что можете вернуть дочь силой? — спрашивает он. Голос низкий, бархатный, пробивающий шум дождя. — Или вам нужна информация?

Я закрываю сумку. Не хочу, чтобы он рассматривал разбросанные бумаги, пока предлагает мне помощь. — Это вы звонили вчера? — Я. Артем Волков. Человек, который видел ваши графики в презентации Виктора. Там ошибка. Грубая ошибка в таблице выживаемости после таргетной терапии. Он этого не знает, но вы знаете. Вы видите это в деталях, которые он скопировал вслепую.

Я вспоминаю двенадцатый слайд. Две группы пациентов, которые нельзя было сводить в одну таблицу. Виктор свёл — так результат выглядел убедительнее. Вчера я кричала, что он вор; могла бы задать один вопрос о группах и заставить его самого это показать. — Какие данные вам нужны? — спрашиваю я.

Артем присаживается на корточки. Теперь мы наконец разговариваем, не задирая друг перед другом головы. — Я знаю, что он подделал данные. И я знаю, что он использует вашу дочь как рычаг давления на акционеров. Мне нужен человек, который сможет доказать это официально. Не юрист. Хирург. Тот, кто знает цену ошибки в миллиметре.

Вот зачем он приехал. Не из-за моих разодранных рук — ему нужны таблицы. Я думаю, сколько он отдаст за них адвокату. И кому этот адвокат будет подчиняться, если мне удастся вернуть дочь раньше, чем он заберёт клинику.

Он достаёт из кармана салфетку. Я прикладываю её к костяшкам; через несколько секунд на белом проступает розовое. Артем продолжает смотреть на меня, а не на кровь. — Виктор думает, что ты сломалась, — говорит Артем, и в его голосе появляется нотка чего-то человеческого, опасного и притягательного одновременно. — Но я видел твои глаза, когда ты ломала дверь. Там был не страх, Анна. Там была ярость. И мне нравится ярость.

Он встаёт и открывает заднюю дверь. Из салона идёт тепло. Я на секунду представляю, как вытягиваю ноги на сухом коврике, — и злюсь на себя за то, что этого уже достаточно. — Садись. У нас есть дело, которое стоит твоей жизни.

Я забираю сумку с асфальта и отступаю от открытой дверцы. — Не здесь. Завтра. Я помню номер в «Рояле». Он выдерживает паузу, затем закрывает дверь. — Завтра, доктор. Но времени у тебя всё меньше.

Глава 4

Кольцо снялось не сразу. Я раскрутила его на пальце, разозлилась, потом всё-таки положила перед девушкой в ломбарде. На внутренней стороне ещё была гравировка. Девушка поднесла кольцо к лупе, а я зацепила ногтем край резинового коврика. Интересно, она читает наши имена или смотрит только пробу?

— Три тысячи, — бросила она, даже не поднимая глаз. — И это щедро. Обычно такие «нервные дамы» устраивают тут истерики, когда слышат правду. Вы же не будете кричать?

Я собиралась получить хотя бы часть ста тысяч, названных юристом за ведение моего дела. Он рассказывал про срочность, сложность, связи Виктора; чем дольше говорил, тем дороже становилось Машино право на мать. Три тысячи. — Выкупать потом будете? — девушка подтолкнула ко мне бланк. — Нет. Я не оставляю. Надела кольцо обратно. Дома попробую продать иначе. Из-за этой жалкой разницы я ещё и жалела о гравировке, которую минуту назад хотела стереть.

По дороге к «Гармонии» позвонил Виктор. Машу перевели туда после вчерашнего скандала, и я ответила сразу — вдруг речь о ней. На треснувшем стекле буквы его имени раздвигались. Надо переименовать контакт. Хотя бы убрать фотографию, на которой дочь сидит у него на плечах.

— Ключи, Анна. Сегодня до шести. Квартира уже под залогом, риелтор ждет. Если увидят тебя там после этого времени — полиция приедет через пять минут. Не хочу портить тебе репутацию окончательно, но твои «истерические выходки» мешают бизнесу.

— Ты продал нашу квартиру? Я там уже не живу, но это не только твоя квартира, — шепотом сказала я. Голос звучал глухо, будто из-под воды.

— Я продаю активы, которые не работают. А ты — пассив. Верни ключи или я заявлю о незаконном проникновении.

Он отключился, а я нажала сброс уже после гудков. Телефон выскользнул из влажных пальцев и упал в лужу у ворот центра. Я выругалась так, что женщина с ребёнком обошла меня. Вытащила аппарат, вытерла подкладкой. Экран погас. Нажать кнопку побоялась: помнила, что мокрую технику нельзя сразу включать. Зато прекрасно умела ронять её второй день подряд.

Из приоткрытого окна окликнули Машу. Потом послышался стук, с паузами, которые я знала слишком хорошо. Она билась головой. В такие минуты дома я подставляла между ней и стеной диванную подушку; просить прекратить было бесполезно. — Позовите к ней кого-нибудь! — сказала я сотруднице у стеклянной двери. Она показала на часы приёма. Я повторила просьбу. Сотрудница перестала смотреть на меня.

Я отступила от ворот и сцепила пальцы за спиной. Вчера разбитая дверь не помогла. Надо было удержать руки, хотя бы пока до окна кто-нибудь не дойдёт. Стук продолжался. Я вслух считала промежутки между ударами — какой-то безумный способ остаться здесь и не побежать снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.